

Сегодня мы склоняем голову перед светлой памятью Владимира Котешкова и Николая Грибова, чьи имена стали для нас символами героизма и беззаветной преданности делу служения земле. Пусть вечно священная память о них трепетно живет в наших сердцах. Пусть золотые разливы пшеницы поют негромко торжественную песню Славы героям, на которых равняет свой шаг молодое поколение. Вечная слава героям!

Огненные трактористы

Я расскажу историю, полную трагизма и величия, красивую и страшную, как сказка. Историю борьбы, победы и гибели. Гибели, которую нельзя назвать смертью.

...Пятьдесят километров в длину, - пятьдесят - в ширину. Это хлеба целинного совхоза московских комсомольцев. А дальше ковыль. Тысячи километров ковыля, сухостоя.

Три самых жарких месяца» не было дождя. Накалялась, трещала земля. Травы стали хрупкими, сморщился шелковый ковыль, потрескался сухой. Над степью струился раскаленный воздух. А потом ворвался ветер. Он носился, ломая травы, взвивал на большую высоту перекасти-поле и швырял о землю. Рвал и метал, бросался из стороны в сторону, будто искал, что разрушить,

В двадцати километрах от совхозного поля бездумно бросили на дорогу окурков. Ветер схватил его и швырнул на ковыль. Вспыхнуло пламя и метнулось по борвке вдоль дороги. Метнулось со скоростью курьерского поезда. Издали казалось, будто пролетел транссирийский снаряд, оставляя, как комета, негаснущий след.

И поднялась пятикилометровая огненная стена и, увеличиваясь и нарастая, всей массой ринулась в сторону совхозного поля.

Бригадир Владимир Дмитриевич Котешков оббегал свои владения на легком с резиновым ходом тракторе. Сбор урожая шел к концу. Не скошенным оставался только один участок - около тысячи гектаров. На горизонте с увидел огненную стену и рванулся навстречу огню.

На границе участка показался трактор. Тракторист соскочил на землю, подбежал к плугу, покрутил какую-то рукоятку и резко обернулся на звук приближавшегося трактора Котешкова. Бросился к бригадиру, и, Владимир увидел, что это Коля Грибов, и странно было смотреть на его просиявшее лицо в такую страшную минуту.

Они перекинулись только двумя фразами, потому что им было все ясно и у них были одинаковые мысли. Они не могли уйти из поля боя. Это был их хлеб и хлеб их товарищей, с которыми они вместе спали и ели, вместе вспахали И взрыхлили каждый клочек тысячелетиями слежавшейся земли и каждую клеточку этой земли удобрили и напоили своим потом.

Вдоль всей границы хлебного поля шла свежеспаханная полоса, которая для того и делалась, чтобы остановить здесь огонь, если вдруг загорится степь. Но они понимали, что такой невиданной силы бушующее пламя перескочит это препятствие. Они решили проложить в ковыле еще одну борозду параллельную первой метрах в двадцати от нее. Они также понимали, что огонь все равно переберется через их борозду, но большой силы набрать не успеет И выдохнется на грани препятствия.

Владимир сел на плуг, где было более опасно и ответственно, а Коля в кабину трактора. Справа от них километрах в шести неслось пламя, слева - терзаемая ветром, билась о землю пшеница. Трактор шел ровно, быстро. Владимир зарывал лемеха не очень глубоко, чтобы не перегружать двигатель, но и не совсем мелко, чтобы все-таки перевернуть верхний слой земли травой вниз.

Они смотрели на надвигавшийся огненный

вал и на двухметровой ширины борозду, оставшуюся позади, и на путь, что предстояло еще сделать, и понимали, что успеют. Возможно, потому, что этот вал был уже близко, им казалось, что скорость его увеличилась и огонь уже больше не падает и земле, а вздымается все выше. Но возможно это так и было, потому что ветер неистовал.

До конца хлебного поля трактористам оставалось не больше километра, а дальше все вспаханно под зябь. До победы несколько минут. Извиваясь и изгибаясь нарастал огненный вал, гонимый неистовым ветром, припадая к земле и вздымаясь до уровня телеграфных проводов. Неслась зубчатая грядка то багровая, то белая, то кровавая и игрушечным казался трактор на который она надвигалась. Пламя теперь несло косо степной и левый его конец был еще далеко, а правый уже достиг трактористов.

Они самоотверженно сражались, они сделали все, что в их силах, и в эту минуту, когда вплотную подступила смертельная опасность могли с честью и чистой совестью отступить перед слепой чудовищной стихией. Но так велика была их воля к победе и вера во власть человека над стихией, так страстно было желание обуздать ее и не дать бессмысленно разрушить созданное человеком, что не дрогнули они перед надвигавшимся огненным валом. Они вступили в новый этап борьбы, и это была смертельная схватка уже не только за свой участок, а за детские всего народа, за миллионы целинников, тех, что подняли тысячелетиями спавшие земли.

Трактористы шли по прямой, параллельно хлебному полю а огневой вал под углом к ним, и позади пламя перебарщивало через их двухметровую борозду и, обессиленное, падало на втором препятствии.

Владимир отбивался от пламени и видел, как Коля сшибает горячие ключа травы, падавшие на трактор. Огненная стена, подрезаемая их бороздой, быстро укорачивалась. Она не успевала пересечь путь трактору, но все время наступала его, и все время трактористы соприкасались с огнем.

До вспаханного поля оставалось метров сто, когда огненный сноп упал Владимиру на спину. Он сорвал огонь, но одежда на нем загорелась. Разрывая на себе куртку, Владимир смотрел вперед и понимал, что пламя пережрет путь трактору в каких-нибудь десяти метрах от вспаханного поля и ворвется в эти ворота на пшеницу. Он срывал с себя одежду, отбрасывая новые огненные снопы и видел, как Коля зашикает от огня трактор, тоже готовый вот-вот загореться. А когда Коля обернулся, Владимир что-то закричал, рубая выпянутой рукой воздух, и, хотя крик был неслышен, Коля понял мысли бригадира и, круто свернув влево, чтобы не дать огню проскочить перед трактором, повел его на соединение со старой бороздой у вспаханного поля.

Владимир успел сорвать с себя куртку, в трех метрах от конца поля он прыгнул и, падая, увидел, как трактор пересек старую борозду, окончательно отрезав путь огню, как выскочил, должно быть ему на помощь, Коля, и вспыхнул с ног до головы, потому что комбинезон у него был пропитан маслом.

Владимир бросился к нему, а Николай весь облитый пламенем, бежал на вспаханное поле и рух-

нул на нем, уже не в силах гасить на себе огонь.

Брюки и белье на Котешкове догорели, И руки от ладоней до плечей были местами обожжены, а местам обуглены, и им не поддавался горящий Колин комбинезон. Тогда он стал обеими руками грести землю на своего друга, и пламя погасло. Но было поздно.

Владимир стоял перед Колей на коленях, смотрел на его лицо и аккуратно стряхивал с него землю. Потом поднялся.

Он посмотрел вдаль и увидел черную степь, черную до самого горизонта, откуда только что катился огненный вал, сраженный им и его теперь уже мертвым другом. Потом обернулся и увидел бескрайнее поле золотой пшеницы, тоже уходящей до самого горизонта.

Было тихо. Ни один колосок не шевелился, и не слышно было ни одного дуновения ветерка. Только нешадно пекло солнце.

Владимир встряхнул с головы свою старую армейскую фуражку у которой сторел козырек, отшвырнул с ног остатки туфель и пошел на вспаханной земле к полевому стану. До полевого стана было 14 километров, он шел и падал и не злился на то, что падает, а терпеливо поднимался и прямо двигался дальше.

Четыре тысячи гектаров было отдано под его власть, и за 7 лет жизни на целине он прошел своим трактором и своим комбайном каждую пядь этой земли, не оставалось клочка, которой бы лично он не вспахивал или не убирал комбайном.

Так он прошел три километра, он прошел бы все 14, но из-за косягора показался комбайн.

А комбайнер Николай Мокан увидел эту страшную фигуру голого, то и дело падающего человека, пораженный свернул в сторону, ему наперерез. Подъехав, он соскочил и увидел, что это бригадир, весь обожженный и черный, и бросился к нему.

Мокан, схватил из ящика новую спецовку и ватник, уложил их на площадку, и Владимир сам влез на нее и лег.

Одиннадцать километров шел комбайн на самой большой скорости и Мокан, не спускал глаз с бригадира, боясь, чтобы он не умер.

На полевом стане он тоже не дал к себе прикоснуться набезавшим комбайнерам и трактористам, а слез сам и окруженный ими пошел в дом, лег на кровать и сказал, чтобы его смазали подсолнечным маслом. Но тут подъехал на газике старший агроном Владимир Иванович Рогов, и он уже не дал командовать Котешкову. Его подняли вместе с матрацем, уложили в машину и отвезли в больницу.

Трое суток стоял почетный караул у гроба Коли Грибова. Сменяли друг друга его друзья, комбайнеры и трактористы, целинники, представители ЦК комсомола Молдавии. Несли почетную вахту руководители совхоза, делегаты Караганды. Стоял у гроба сына прилетевший из Молдавии отец.

Как героя Колю торжественно похоронили на кургане близ совхозного поселка, откуда видны необъятные просторы хлебов и весь поселок и убегающая вдаль дорога.

А за жизнь Владимира Котешкова началась отчаянная борьба.

Обработка ран. Но так даже сказать нельзя.

Идет обработка одной сплошной, на все тело раны Оно поражено ожогами 3-4 степени на 70 процентов. Общее поражение X5 процентов, только верхняя часть груди, да стопы остались нетронутыми.

Уже спустя несколько дней корифей ожогового центра Академии медицинских наук СССР отметили исключительную тщательность всех проведенных мероприятий, их необходимость и исчерпывающую полноту, точность и правильность всех процедур.

В палате стоит постель для Полины. Круглые сутки дежурят врач и сестра. Целый день у больницы толпятся целинники. Не отходят от больного его друзья: директор совхоза Воробьев, секретарь партийной организации Топаев, председатель рабочкома Боярский, главный агроном Рогов. То и дело звонят из обкома.

- Котешков спокоен. Удивительно спокоен и рассудителен. То ли воля такая нечеловеческая, то ли не понимает, что происходит. Ему больно. Ему должно быть нестерпимо больно, но он не жалуется.

В целинной совхозной больнице был отведен первый смертельный удар. Трос суток борьбы сделали возможным эвакуировать больного. Снова появился специальный самолет. Хирург Шербак и бортфельдшер Василенко сопровождали его до Караганды.

Центральная клиническая больница. Лучшие силы медицины. Консилиум. Летят телеграммы в Москву. Два дня борьбы за жизнь Котешкова в Караганде дали возможность эвакуировать его в Москву.

Аэродром. Ил-18. Это не санитарная машина, но самая надежная.

В ней пассажиры. Машина в воздухе. Летит красавец Ил-18 над просторами Родины и несет борца, героя, коммуниста. И более пятидесяти человек следят за его полетом, ждут его. В ожоговом центре ждут профессора, доктора наук, врачи. Собран цвет советской хирургии и области ожогов.

Первый консилиум. Главный врач института хирургии имени Вишневского Сергей Иванович Смельовский, руководитель ожогового центра Михаил Израэльевич Шрайбер, доктор медицинских наук Тигран Моисеевич Дарбинян, и другие. Самос передовое, чем располагает мировая хирургия и мировая наука об ожогах применяется к Котешкову. Каждое утро на специальной врачебной конференции светила советской медицины обсуждали вопрос: состояние Котешкова и дальнейшие меры борьбы за его жизнь.

Все сделала Родина, что могла. Но не достигла еще медицина таких вершин, чтобы дать человеку новый покров на всем теле.

Со всеми воинскими почестями, как павшего и бою воина-героя похоронили в Москве на Пятницком кладбище Владимира Дмитриевича Котешкова. Гроб с телом несли директор совхоза, председатель рабочкома, трактористы, комбайнеры, представители комсомола столицы.

Они жили, как герои и погибли, как герои, и слава о них будет передаваться из уст и уста, из поколения в поколение, и, как чудесная сказка о богатырях, как величие эпохи, будет жить и светлом обществе, за которое они отдали свои жизни.